

ИРАНСКИЕ МАСТЕРА И ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА
В 60-е ГОДЫ XVII СТОЛЕТИЯ¹

Вопрос о деятельности иноземных мастеров в Оружейной палате XVII столетия не был обойден вниманием исследователей. О деятельности так называемых «польских» мастеров — выходцев из Великого княжества Литовского в придворной оружейной мастерской во второй половине XVII в. рассказывает исследование М. Н. Ларченко [Ларченко]. Английскому оружию и английским оружейникам в русской столице посвящена работа Е. Я. Яблонской [Яблонская, 2003; Yablonskaya]. Тому же автору принадлежит статья, рассказывающая о службе в Оружейной палате иноземного мастера Филиппа Тимофеева [Яблонская, 2014]. Последним по времени является совместное исследование Е. Я. Яблонской и автора настоящей статьи, в котором предпринята попытка суммировать и обобщить информацию о мастерах Оружейной палаты западноевропейского происхождения [Яблонская, Орленко].

Существенно меньше известно о восточных мастерах, трудившихся в Оружейной палате. Исключение составляет жизнь и творческий путь одного из ведущих иконописцев придворной мастерской, выходца из Новой Джульфы (армянское предместье Исфагана) Богдана (в православном крещении Ивана) Салтанова (библиографию см.: [Словарь русских иконописцев; Николаева]).

О наставнической деятельности ряда иранских ремесленников в Москве говорится в статье Е. М. Тальмана [Тальман, с. 85–86]. Упоминания о работе иранских ремесленников в Оружейной палате в 1660-е годы содержатся в ряде статей по истории придворной оружейной мастерской [Орленко, 2012, с. 448–449; Орленко, 2016, с. 95, 98].

В XVII столетии для удовлетворения потребностей русского двора в высококлассном оружии, доспехе и конском убранстве требовалось значительное количество предметов и материалов, производство которых в России не было развито. К остродефицитным относились мастерские специальности, связанные с изготовлением булатной стали и изделий из нее, тканей и изделий из шелка, а также ряд других. Решением вопроса мог стать либо ввоз необходимых товаров из-за рубежа, либо организация их ремесленного производства в Московском государстве. Безусловно, последний вариант для русских властей был предпочтительнее, однако он был связан с необходимостью преодолеть разного рода технические, финансовые, административные сложности и препятствия.

Не удалось выявить достоверных свидетельств о том, что в русской столице в XVII столетии появились ремесленники, способные варить булатную сталь. Безуспешно закончилась попытка в начале 1660-х годов призвать в Москву из Астрахани мастеров, способных ковать булатные сабли и делать кольчатый доспех, равно как и выучить этому ремеслу посланных из Оружейной палаты учеников [Ларченко, с. 185–186; Орленко, 2012, с. 448–450].

Память о неудачной попытке наладить в Москве производство шелковых тканей в первой половине XVII в. сохранилась в названии Бархатного двора у южной стены Московского Кремля. Впоследствии на Бархатном дворе располагались мастерские приказа Ствольного дела, занимавшегося производством строевого оружия для русских войск [Орленко, 2016, с. 73].

Наиболее раннее выявленное известие о работе иранских мастеров в Москве относится к июлю 1660 г. Царю Алексею Михайловичу били челом «иноземцы кизылбашской земли хозовой мастер Шабанка Иванов с товарищи сам третьи да шелковый и тесемный мастер Мамаделейка

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00286).

Худадеев с товарищи сам третьей же. Слыша мы, иноземцы, про твою царскую неизреченную милость к нашей братии к мастеровым людям и надеяся на твое, великого государя, жалование, выехали ис своей земли к тебе, великому государю, к Москве, рукоделье свое оказать и учеников выучить, чему сами горазди. И едучи дорогою дальнюю, изпроехали и одолжали великими долгами. А ныне мы, иноземцы, по твоему государеву указу делаем твое государево дело третью неделю, а твоего государева жалования корму нам не указано. Милосердый государь, [м.т.] Алексей Михайлович, пожалуй нас, иноземцов, своим государевым жалованьем поденным кормом, чтоб нам, иноземцам, будучи у твоего государева дела, чем сытым быть». На обороте столбца присутствует резолюция: «168-го (1660) июля в 14 день государь пожаловал — велел дать своего жалования, учинить поденного корму мастеровым людям по гривне, а ученикам по десеть денег с того числа, как присланы в Оружейной приказ»².

Из документа мы узнаем, что в Москву прибыли иранские мастера двух специальностей: *хозовые* — владевшие умением особым образом выделывать кожи³ и *шелковые и тесемные* — умевшие обрабатывать шелковые нити и плести из них тесьму. Нам становится известно, что к работе ремесленники приступили в конце июня и что учреждением, в котором иранцев «ведали», был Оружейный приказ (Оружейная палата), кроме того, мы узнаем размер жалованья — поденного денежного корма персов (мастерам по гривне, ученикам по пяти копеек в день). Упомянутые в документе ученики, прибывшие из Персии вместе с мастерами, были, по мнению Е. М. Тальмана, их подмастерьями [Тальман, с. 85—86].

Обе специальности относились к числу востребованных. Придворным мастерским требовалось значительное количество гзов для изготовления саадаков, частей седел, обтяжки сабельных ножен и других изделий. Шелковая тесьма широко использовалась для изготовления сабельных и саадачных поясов, соединительных элементов доспеха, конской сбруи.

Каким образом мастера были приглашены в Москву, мы узнаем из другого документа. Государю бил челом «Петрушка Иванов сын иноземец... Писал я, сирота твой, в Кизылбаши к иноземцом, к своей братье, к мастером хозовым и шолковым, чтоб они приехали на твое, великого государя, имя. И те, государь, иноземцы Шабанка с товарищи шесть человек в нынешнем во 168-м (1660) году к Москве вышли. И ныне они твое, великого государя, шелковое и хозовое дело делают и учеников они учат». Нет никаких сомнений в том, что Петр Иванов исполнял поручение руководства Оружейной палаты. За свои услуги он получил неплохую награду — пять рублей⁴. Судя по тому, что Петр Иванов в документе выступает как «сирота», он относился к посадскому населению и на службе ни в каком в казенном ведомстве не состоял. То обстоятельство, что Петр писал «в Кизылбаши... к своей братье», говорит о том, что он сам, с высокой долей вероятности, был выходцем из Персии, а русское имя и патроним получил при крещении в православную веру.

В делопроизводстве Оружейного приказа удалось обнаружить выписку, которая сообщает нам о точном времени появления иранских «гзовников» в русской столице: «В прошлом во 168-м (1660) году мая в 13 день по государеву [м.т.] Алексея Михайловича указу присланы в Оружейную палату *ис села Покровского* (курсив мой. — С. О.) с самопальным с Львом Жюковым кизылбашеня — гзового дела мастера Шабан Иванов с товарищи три человека. И того ж числа по приказу окольничего и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово гзового дела мастером Шабану Иванову с товарищи трем человеком государева жалованья в приказ дано по

² РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. Д. 7022. Л. 1—1 об.

³ В словарях и литературе в качестве материала для выделки гзов называются козлиные, ослиные и конские шкуры (см.: [Курбатов, с. 175—178, 206]).

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7023. Л. 1—1 об.

пяти рублей человеку. Итого 15 рублей. Да июня в 20 день... кизылбашем гзowego дела мастером Шабану Иванову да Магепту Алееву государева жалованья в приказ дано по 10 рублей человеку. Итого 20 рублей». Персидские мастера шелкового дела появились в Москве несколько позже и получили более скромную сумму подъемных денег: «А шелкового и тесемного дела мастером Мамоделею Анатову да Магепту Худяеву государева жалованья в приказ дано по 5 рублей человеку. Итого 10 рублей»⁵.

Вероятно, изначально планировалось представить иранских гзовников самому царю Алексею Михайловичу — «быть на приезде у государевой руки, видеть светлые государевы очи», однако затем планы изменились. Согласно дворцовым разрядам, царь Алексей Михайлович находился в походе в селе Покровском с 14 по 21 мая⁶.

В конце июля 1660 г. иранские мастера вновь били челом о жалованье. Персы обратились с не совсем обычной для мусульман просьбой: «Милосердый государь [м.т.] Алексей Михайлович, пожалуй нас, иноземцов, вели государь нам указать свое государево жалование — дворцовой корм и питье, чем тебе милосердому государю Господь Бог известит». Не известно, был ли назначен иранцам «дворцовый корм» — выдача продуктов и готовых блюд с Кормового и (или) Хлебного дворцов. В отношении «питья» ситуация определеннее. Согласно помете на челобитной: «168-го (1660) июля 22 день государь пожаловал, велел давать с Кружечного двора по три чарки вина, по две кружки пива доброва на день мастерам, которые гзы делают сами и шолк красят». Однако оказалось, что не все напитки подходят иранцам: «Велено нам, холопам твоим, и ученику нашему давать твоего государева жалования по три чарки вина да пива по две кружки пива доброва. И мы, холопы твои, пива пить не обвыкли». По просьбе мастеров, было велено вместо двух кружек пива давать по кружке меда человеку на день⁷.

При получении поденного питья персам пришлось столкнуться с традиционными для русского общества сложностями. В сентябре били челом «козылбашския земли шелковые мастера Мамидалейка Анатов да Мамедейко Хожеев, да ученик их Алибердейко Худаев. Выехали мы, холопы твои, ис своей земли на твое, великого государя, имя к Москве и по твоему указу взяты в шелковые мастера. А я, холоп твой Мамидалейко, шолк делаю, и крашу, и сучю. Да мне ж, холопу твоему, велено делать на тебя, государя, тесьмы широкия турския и бахраму. А товарищ мой и ученик только делают одно — шолк. ...А твоего государева жалования питья идет мне Мамидалейку с товарищем моим и с учеником ровно, а твое государево дело делаю я не одно. Да нам же, холопам твоим, даны ученики русские люди, и мы, волочась за тем питьем, в приказе многое время по тому, что не дают, — чинитца тому твоему государеву делу и ученью мотчание». Для нас важно, что документ сообщает нам о видах работ, которые выполняли иранские «шелковники», рассказывает о разнице в профессиональном уровне прибывших мастеров и содержит первое упоминание о русских учениках персов. Ремесленники просили избавить их от волокиты, а Мамаделей, указывая на свое профессиональное превосходство над товарищами, просил еще и прибавить ему «питья»⁸. В этот период приходо-расходные книги Оружейного приказа фиксируют выдачу «кизылбашенину Мадалею» волоченого золота для плетения тесьмы и изготовления сабельных поясов⁹.

Нам неизвестно, где разместили иранских мастеров непосредственно после их прибытия в русскую столицу в мае. В начале осени персов перевели в новое помещение, где они должны

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7327. Л. 5–7.

⁶ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854. С. 230.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7041. Л. 1–3, 6.

⁸ Там же. Л. 4–4 об.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Л. 3–4.

были проживать и «дело делать»: «Лета 7169-го (1660) сентября в 5 день по государеву [м.т.] Алексея Михайловича указу... Оружейные полаты кизылбашеня гзowego и тесмяного и шолкового дела мастера Шебан Иванов с товарищи и с ученики шесть человек поставлены на время в Китае городе, что преж сего бывал на двор думного дьяка Ивана Грамотина». Двор бывшего главы Посольского приказа и печатника Ивана Тарасьевича Грамотина располагался на Ильинке и после смерти владельца в 1638 г. перешел в казну [Лисейцев, с. 104]. Однако оказалось, что помещение не подготовлено — в оконных проемах отсутствовали окна: «А им, мастеровым людям, живучи в тех полатах, государева [дела] без окончин делать нельзя. ... Из того двора дворник сказывает, что окончины из тех полат есть, а без ведома ис приказа Большого прихода — дать не смеет». Необходимое распоряжение было немедленно отослано «с приставом Алешкою»¹⁰.

В условиях надвигающейся русской зимы руководство Оружейной палаты позаботилось и о теплой одежде для иранцев. В октябре 1660 г. государь пожаловал «кизылбаш гзowego и тесмяного и шелкового дела мастеров Шабана Иванова с тов четырех человек да учеников их дву человек. Мастером четверем человеком велел им зделать по суконному теплому кафтану доброго красного сукна багрецу на лисах, а учеником их дать на кофтан по сукну доброму красного сукна аглицкого по четыре аршина человеку». Правда, вышла заминка с материалом — в Оружейную палату из Сибирского приказа отписали, что лисьих мехов для кафтанов иранцам у них нет¹¹. Неизвестно, каким образом разрешился этот вопрос, но едва ли это стало серьезной проблемой. Обычно с подобного рода затруднениями администрации Оружейного приказа удавалось оперативно справляться.

В приходо-расходных книгах Оружейного приказа этого времени можно найти упоминание о работе иранцев. Так, 20 ноября 1660 г. «Мамодалей Анатьев дела своего принес тесьму шолковую красную, по весу в ней шесть золотников. Взято. Того ж числа та тесьма на государевы наручи в вооружение [отдана] Миките Давыдову»¹².

Предположительно к зиме 1660—1661 г. относится документ, проливающий свет на численность и состав русских учеников иранских ремесленников, а также на размер их жалованья, получаемого из Оружейной палаты: «Бьют челом бедные и беспомощные холопы твои шелковые ученики Онтропка Михайлов с товарищи три человека да хозовые ученики Стенька Иванов да Юрка (Аверкий. — С. О.) Никитин. Работаем мы, холопы твои, твое государево шелковое и гзовое дело день и ночь беспрестанно, ободрались наги и босы. А пришла, государь, зимняя пора, шубенок, и платьишка, и обуви купить нечем. А твоево государева денежного годового жалования нам, холопам твоим, не указано. А твоим государевым жалованием поденным кормом, что нам идет на день по пяти копеек, пропитатца и платьишка купить на себя нечем потому, что хлеб и всякий харч безмерно дорог»¹³.

Упоминание о дороговизне продуктов питания — следствие инфляционных процессов, связанных с падением стоимости медных денег, которыми в этот период выплачивалось жалованье. В особенно тяжелом положении оказались мастера и ученики Оружейной палаты, не имевшие хлебного оклада. Повышение денежного жалованья в условиях постоянного обесценивания медной монеты не решало проблемы. Гораздо более эффективной мерой была выдача мастерам продуктов — обычно зерна, круп и соли, отпускавшихся либо по низкой «казенной» цене, либо вовсе «безденежно» [Орленко, 2016, с. 95—96]. Среди служащих и мастеров Оружейной палаты

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7163. Л. 1—1 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7240. Л. 1—2.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 952. Л. 92.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7327. Л. 1.

и приказа Ствольного дела, кому распоряжением от 5 марта 1661 г. было велено отпустить по пуду соли «по своей государеве указной цене», значатся и «кизылбаши 6 человек»¹⁴.

Серьезную трудность при организации процесса профессионального обучения русских людей иранцами должен был представлять языковой барьер. Ис этой сложностью администрации придворной оружейной мастерской удалось успешно справиться. На начальном этапе функцию переводчика взял на себя иноземец Петр Иванов, по письму которого персидские мастера и прибыли в Россию. Перечисляя в челобитной свои заслуги, Петр сообщал: «я, сирота твой, у твоего государева дела [у] тех мастеров иноземцов беспрестани волочуся и толмачю»¹⁵. Позднее удалось найти и другого переводчика — посадского человека города Астрахани Афанасия Адамова: «По твоему, великого государя, указу кизылбашенин Мамаделей Анатов учил русских людей... а русскому языку кизылбашенин не знает, а толмача у него не было. И... был я, сирота, у него в переводчиках у учеников год целой». По приказу оружничего Б. М. Хитрово Афанасию Адамову было велено выплатить 10 рублей¹⁶.

Руководство Оружейной палаты постаралось, чтобы государь был в курсе успехов русских учеников иранских ремесленников. В 1661 г. «апреля 18 день у великого государя [м.т.] Алексея Михайловича у руки были Оружейной палаты мастеровые люди Микита Давыдов с товарищи и шелкового дела русские ученики Онтропко Михайлов с товарищи. Внесли вверх великому государю в поднос шолку сученого три фунта, да несученого три фунта»¹⁷.

Первыми закончили обучение русские ученики иранских гзовников: «169 г. (1661) апреля 1 день в Оружейной палате перед окольным и оружничим Богданом Матвеевичем Хитрово... сказали Бронные слободы тяглецы Аверкейка Микитин да Степка Иванов у кизылбашенина у Шабана Иванова гзовому делу они... выучились и делают гзы разными цветами... и после мастера Шабана станут гзы делать такие ж». Руководство Оружейной палаты сочло миссию персидских кожевников выполненной. Мастеров щедро наградили деньгами и соболями и отпустили на родину¹⁸.

По-другому дело обстояло с иранскими «шелковниками». Мадалею (Мамадалею) Анатову «с товарищи» было велено продолжить обучение русских людей нескольким видам «шелковых» ремесел, а также увеличить число учеников. Весной 1662 г. государю бьет челом «кизылбашенин шаховой области шелковой мастер Мамаделейко Анатов. По твоему, великого государя, указу выучел я... русских людей учеников, чему сам умею, а которые были товарищи мои хозовые мастера, и они с Москвы отпущены в прошлом 169-м (1661) году. И я в то число в свою землю с ними вместе тебе, великому государю, бил челом в отпуске. И по твоему, великого государя, указу, сказал мне окольный и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово твою царскую пресветлую милость и жалованье и велел мне жить на Москве»¹⁹.

Приказная выписка вкратце излагает историю пребывания иранских мастеров в Москве в 1660—1661 г.: «...гзового дела мастера Шабан с товарищем выучили на Москве гзовому делу русских людей дву человек. А шелкового и бахромного и тесемного дела мастера Маделей с товарищем выучили на Москве шелковому делу русских людей четырех человек. И в прошлом во 169-м (1661) году апреля в 20 день били челом великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу гзового и шелкового дела мастера Шабан Иванов да Маделей Анатеев с товарищи. А в челобитной их написано, что великий государь... и велел бы их с Москвы отпустить в их землю

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7446. Л. 1—2.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7023. Л. 1.

¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8032. Л. 1—1 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 952. Л. 95 об.—96.

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7327. Л. 4; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7694. Л. 9—17.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8029. Л. 1.

в кизылбаши. И по указу великого государя гзового дела мастером Шебану с товарищем за ученье дано государева жалованья сто рублей, и с Москвы он Шебан с товарищем отпущен в свою землю. А шелкового и бахромного и тесемного дела мастером Мадалею с товарищем за ученье дано государева жалованья сто рублей же. А с Москвы ево Мадалея отпускать не велено. Велено ему жить на Москве до указа великого государя и выучить бахромному и тесемному делу русских людей дву человек, чему сам умеет»²⁰.

Наравне с отбывающими из Москвы гзовниками, шелкового дела мастер получил 100 рублей наградных денег²¹. Нарушенные планы по возвращению в Персию начальство постаралось мастеру компенсировать дополнительным пожалованием — 20 апреля датирована память о выдаче Мамаделею Анатову «тафты зеленой веницийской доброй»²².

В октябре 1661 г. иранским мастерам с учениками пришлось переехать на новое место. Возглавлявшему Монастырский приказ окольничему Ивану Федоровичу Стрешневу Большому «великий государь указал поставить на время Оружейные палаты кизылбаш нашивочного дела мастера Мадалея Анатова с товарищем да с ученики 8 человек... Никольского монастыря на подворье до своего государева указу»²³.

В 1662 г. суммы жалованья иранских шелкового дела мастеров существенно выросли, что, вероятно, объяснялось дальнейшим обесцениванием медных денег. Теперь Мамаделею Анатову платили поденного денежного корма по 10 алтын на день, его товарищу Мамедею Алееву по 8 алтын и 2 деньги, а ученику Алавердею Худееву по 5 алтын и 4 деньги на день²⁴. В марте 1662 г. Мамаделею Анатову, как иноземному мастеру «первой статьи», выдали из Оружейной палаты три пуда соли «безденежно», остальные получили по два пуда²⁵.

О необычных подробностях пребывания шелкового дела мастера Мамаделея Анатова в русской столице сообщает его челобитная, поданная в феврале 1662 г.: «Идет мне, холопу твоему, твое государево жалование, корм и питье, вино и мед... помесечно. Да мне ж, холопу твоему, пожаловал ты, великий государь, табак. И тот табак я весь издержал»²⁶. В XVII столетии московские власти негативно относились к табакокурению среди русских людей, преследовали как курильщиков, так и торговцев табаком. Однако, как мы видим, они не только терпимо отнеслись к курильщику-персу, но даже выдавали ему табак из казны.

Документы делопроизводства Оружейного приказа сообщают еще об одном своеобразном эпизоде из московской жизни иранского шелковника. В мае 1662 г. государю бил челом «колмыченин» Анайтко Тинбеков: «Привезли меня, холопа твоего, к Москве башкирцы больново, и по твоему, великого государя, указу отдан я, холоп твой, казылбашенину Мамеделею Анатову на сбереженье. А ныне тот козылбашенин едет в свою землю, а я, холоп твой, от скорби слобожен, а дела твоего государева никакова мне не указано»²⁷. Из других документов становится известно, что калмыцкий «куячного и бахтерцового дела мастер» был взят в плен и привезен в Москву башкирами²⁸. Судьбой бронника заинтересовалось руководство Оружейной палаты. Трудно понять, чем было продиктовано решение поручить заботу о нем персидскому шелковнику. Мамаделей не был ни земляком, ни единоверцем калмыцкого мастера. Никакой

²⁰ Там же. Л. 3–4.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7327. Л. 4–4 об.

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7694. Л. 17.

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7751. Л. 1.

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8056. Л. 1–3.

²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7944. Л. 1–4.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8153. Л. 1.

²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8026. Л. 1.

²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8039. Л. 1.

информации о том, что иранец обладал какими-либо врачебными знаниями и навыками, не выявлено. Как бы то ни было, Айнат выздоровел и изъявлял желание трудиться в Оружейной палате, построить кузницу и обучать куячному делу учеников²⁹.

В апреле 1662 г. обучение русских шелкового дела мастеров завершилось: «Бьют челом Оружейные палаты мастера тесемного и бакрамного дела мастера Антонко Михайлов да шелковые мастера Гришка Иванов, Ондрюшка Семенов да Мишка Елизаров. По твоему, великого государя, указу были мы, холопы твои, отданы в учение кизыбашенину Мамаделею Анатову, и тому делу он нас всему научил, и мы горазди»³⁰. В том же месяце с челобитной обратились русские гзového дела мастера. Аверкий Никитин и Степан Иванов заявили, что они «делают в Оружейную палату гзы, отошод от мастера другой год, а денежным и хлебным жалованием не пожалованы»³¹.

Все специалисты, прошедшие обучение у иранцев, были приняты в мастера Оружейной палаты. 13 сентября 1662 г. протопопу Большого Успенского собора Михаилу было велено привести их к присяге [Тальман, с. 85–86]. Выделанные гзы разных цветов, мотки шелка (вероятно, сученого и крашеного), тесьма с золотом и серебром работы русских мастеров присутствовали в составе пасхального подноса 1663 г.³²

Как ни странно, несмотря на более длительный срок обучения и более широкую гамму мастерских специальностей, подготовленные иранскими специалистами русские мастера шелкового дела получили в Оружейной палате по восемь рублей годового денежного оклада, тогда как обученные персами гзовники — по десять рублей³³.

Весной 1662 г. иранские шелковники стали готовиться к возвращению на родину. Вероятно, за время пребывания в России Мамаделею Анатову за счет высокого жалования и торговых операций удалось накопить значительную сумму медными деньгами. Однако реальная ценность этих накоплений существенно снизилась из-за инфляции. Иранец обратился к русским властям за компенсацией: «И живучи на Москве, за тем твоим государевым делом испроелся. И товары в своей земле покупал на серебряные деньги, а здесь товары свои продал на медные деньги. А как товарищи мои отпущены в свою землю, и в то число товары были дешевы и серебряные деньги ходили против медных. А ныне... мне на те медные деньги товаров купить не мочно и тех медных денег за серебряный рубль [дают] рублей по десять и больше». Мастер просил: «вели государь мне те медные деньги из своей государевы казны обменять на серебряные или из своей государевы казны дать за них товаром — собольми и сукны по старой цене, а не нынешней»³⁴.

Неизвестно, обменяли ли персу деньги. Но мы знаем, что без соболей и сукон иранцы не остались. В мае 1662 г. Мамаделей Анатов с товарищами обратились за проезжими грамотами. Из Оружейной палаты в Посольский приказ была послана память о выдаче иранцам проездных документов. В том же деле содержатся сведения о прощальных наградах. При этом Мамаделей обратился с жалобой, что «и дано нам твое государево жалование сорок соболей да сто рублей денег, а сукна на кафтаны нам и на шапки соболей не дано». 27 мая «государь пожаловал, велел дать два портища сукна багрецу да портище аглинского»³⁵.

Мы не знаем, какие товары ввез Мамаделей из Персии, однако нам известно, в какой товар он попытался вложить свои деньги в России. В мае 1662 г. у иранца были изъяты

²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8026. Л. 1.

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7979. Л. 1.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764. Л. 34.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 12–13.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9282. Л. 21.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8029. Л. 1.

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8034. Л. 1–6.

купленные им «литовского полону Пинского повету малой Антошка Трофимов, а Весняковского повету девка Иринка Матвеева, которых он Мамиделейко хотел везть с собою в Кизылбашу». Очевидно, что перспективу вывоза христиан из России в «бусурманскую землю» московские власти сочли неприемлемой. «И великий государь [м.т.] Алексей Михайлович указал за тово малова и за девку кизылбашенину Мамиделейку дать деньги... по тридцати рублей за человека. А малова и девку из Новые чети отослать в Оружейную палату... и отдать с роспискою»³⁶. (Судьба девушки неизвестна, а «малой» Антон Трофимов был определен в ученики ствольному и замочному мастеру Оружейной палаты Ивану Константинову³⁷.)

Неудачу Мамаделей попытался компенсировать другим способом. В начале июня иранский шелковник бил челом: «...по твоему, великого государя, указу отпущен я с Москвы в свою землю... пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в понизовых городах в Косимове да в Нижнем про мою нужду купить дватцать ведер вина и провести то вино в свою землю. И о том вели, государь, дать свою государеву грамоту». Однако мастера опять ждало разочарование — разрешение он получил только на покупку пяти ведер³⁸.

Вероятно, Мамаделей Анатов отказался от намерения возвращаться в Персию и остался в России. Его имя вновь упоминается в приказных документах в 1664 г. В начале марта в приказ Большого прихода было направлено распоряжение: «великий государь [м.т.] Алексей Михайлович указал Персицкие земли иноземцу Мамаделею Анатову для мастерских дел ему, Мамаделею, на своем государеве на Большом Посольском дворе на время дать избу. Оружейные полаты прежних шолкового, и нашивочного, и тесемного дела учеников Гришку да Ондрюшку тем мастерским делам доучить»³⁹. Возможно, в профессиональной подготовке русских шелковников выявились какие-то недостатки, и руководство Оружейной палаты вновь обратилось к находившемуся в Москве мастеру Мамаделею.

Специальность Мамаделея относилась к весьма востребованным. Мастер мог трудиться в русской столице как частный ремесленник или найти себе службу в другом казенном ведомстве. Помимо оружия и конского убранства, использование нашивок и тесьмы было популярным способом украшения одежды. Обработка и крашение шелка-сырца также были достаточно актуальным делом. Источники содержат упоминание о том, что в 1660-е годы помимо Оружейной палаты иранские мастера работали — красили шелка — в Приказе Казанского дворца⁴⁰.

В августе 1667 г. в Москву из Казани писал боярин и воевода Григорий Семенович Куракин с товарищами: «в нынешнем во 175-м (1667) году июля в 15 день бил челом великому государю [м.т.] Алексею Михайловичу и боярину и воеводе, в приказной полате подал челобитную слободкой тезик, хозовой мастер Шабанка Иванов. А в челобитной ево написано: зделано, де, у него, Шабанка, на государев обиход пятьдесят хозов цветных, и чтоб великий государь пожаловал, велел ево, Шабанка, с теми хозами отпустить к себе в великому государю к Москве. И он, боярин и воевода, тово Шабанка да пятьдесят хозов прислал к Москве в Приказ Казанского дворца»⁴¹.

Нет никаких сомнений, что речь идет о хозовом мастере Шабане Иванове, «делавшем дело» и обучавшем учеников для Оружейной палаты в 1660—1661 г. Так же как шелковник Мамаделей, гзовник Шабан решил не возвращаться в Персию, а остаться в России. Оба иранских мастера сочли, что в России они смогут реализовать свои ремесленные навыки с большим

³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43089. Л. 1.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8720. Л. 46—47.

³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7997. Л. 21—22.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8946. Л. 2—2 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7694. Л. 13—14.

⁴¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11137. Л. 1.

успехом, нежели на родине. Вполне логично, что для проживания и работы гзового дела мастер выбрал Казань — город, известный как центр кожевенного дела и торговли кожами.

В Москве Шабана Иванова вместе с выделанными гзами (сорок два яринных (зеленых), по четыре алых и черных) отправили к оружничему Б. М. Хитрово. Насколько можно понять, глава Оружейной палаты желал получить ответы на ряд вопросов — о стоимости гзов, о степени превосходства гзов кизылбашской выделки перед теми, что делают Москве, о производительности труда мастеров хозового дела, а возможно, и ряд других. У Шабана было велено выяснить, какую себестоимость имеет готовый хоз, какие для этого необходимы материалы (помимо кож), сколько времени уходит на изготовление десятка гзов.

Ответы мастера, без сомнения, могут представлять значительный интерес для историков кожевенного дела. Иранец сообщил, что «стал ему взайкий хоз в деле по десяти алтын. ...А гзы делает он, Шабанка, — десяток гзов зеленых во всем в отделке в две недели, черных, алых десяток делает по осьми дней. А пойдет на всякой десяток гзов по три фунта меди, по полтора фунта нашатырю, по десяти фунтов соли, по четыре фунта семени кизылбашского, по два фунта масла коровьего»⁴².

Привезенные Шабаном гзы оружничий Б. М. Хитрово приказал осмотреть русским мастерам хозового дела — «те гзы, прямые ль кизылбашского дела?». После этого события приняли неожиданный оборот. «И гзового русского дела мастер Бронные слободы тяглец Стенька Иванов (бывший ученик иранца. — С. О.), смотря тех Шабанковых семи гзов алых и черных, сказал: “те гзы ево, Стенькина, дела, не Шабанковы. А купил у него те гзы тому ныне третья неделя, а взял у него по десять алтын за хоз. А как он, Шабан, у него те гзы купил, и то видел Бронные слободы тяглец Аверка Никитин (другой бывший ученик. — С. О.)”. Шабан не отрицал покупки гзов у Степана, однако утверждал, что перепродал их разным лицам, а представленные в Оружейную палату гзы «делал он, Шабанка, в Казани и привез с собой к Москве». На очной ставке и Степан, и Шабан повторили свои прежние показания. По всей вероятности, представленные гзы были достаточно высокого качества и руководство Оружейной палаты не стало углубляться в склоку между мастерами. Весь хоз у иранца было велено взять в казну и записать в приходную книгу, а мастеру Шабану выплатить десять рублей и выдать сукно доброе с Казенного двора. Распоряжение датировано 27 октября⁴³. Более поздних упоминаний о сотрудничестве иранских мастеров шелкового и гзового дела с придворной оружейной мастерской не выявлено.

* * *

Среди документов делопроизводства дворцовых приказов сохранился черновик памяти, предположительно из Разрядного приказа, датированный августом 1667 г.: «В нынешнем 175-м году (1667) мая в 25 день (здесь и далее слова, выделенные курсивом, зачеркнуты. — С. О.) по указу великого государя взят в Оружейную палату кизылбашенин строчного дела мастер Бейзат Кузаров и крещен в православную христианскую веру греческого закона, он Бейзат крестился, по крещении имя ему Петр, а государева жалования за крещение ничего ему не дано». Документ содержал запрос в Оружейную палату о размерах пожалований иноземным мастерам за принятие православия⁴⁴. Ответа из Оружейной палаты в деле не содержится, однако нам известно, что подобные случаи были.

В 1662 г. был принят в ученики Оружейной палаты и крестился в православную веру «Свейские земли немчин» Митька Тарасов. За это он получил «государева жалования в приказ,

⁴² Там же. Л. 2–4.

⁴³ Там же. Л. 6–8.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36655. Л. 1–2.

что крестился в Православную Христианскую веру, ис приказу Новья чети — пятьдесят рублей да ис Казенного приказу сукно доброе кармазин, дороги ряские, шапка суконная с соболем»⁴⁵.

Сколько денег получил Бейзат-Петр, мы не знаем. По именному указу царя Алексея Михайловича 2 ноября 1667 г. Петру Петелину «для крещения Православных Христианских веры» было велено дать с Казенного двора «сукно доброе кармазин да тафту добрую»⁴⁶.

К сентябрю 1667 г. относится самая ранняя запись о жалованье иранца: «В Оружейную же полату взят вновь и в Православную веру крестился строчного дела мастер Петр Петелин — поденного корму по два алтына по четыре деньга»⁴⁷. Специальность строчника (мастера, изготавливавшие и украшавшие шитьем саадаки) не относилась в Оружейной палате к явно дефицитным. В штате придворной оружейной мастерской в этот период состояло два русских мастера строчного дела: Дмитрий Степанов и Астафий Иванов⁴⁸.

Изменения в положении мастера Петра документы фиксируют в октябре 1667 г.: «По прежнему великого государя указу поденного корму лядуношного дела мастеру новокрещену Петру Петелину на октябрь месяц по дватцати по четыре деньга на день»⁴⁹. Как мы видим, поменялась специальность иранского ремесленника (лядушки — патронные сумки, обычно изготавливались из дерева, покрывались тканью или кожей, в парадном варианте украшались шитьем). Существенно, с восьми до двенадцати копеек, увеличилась сумма поденного денежного корма.

Сколь ни загадочно, но зимой положение Петра Петелина в Оружейной палате вновь возвращается к своему прежнему значению. В январе 1668 г. бил челом о поденном корме за три месяца «новокрещеной строшник Петрушка Яковлев». «По сей челобитной великого государя жалованья строчнику Петру Петелину с ноября по февраль — по два алтына по четыре деньга на день»⁵⁰. Строчником с поденным денежным кормом в два алтына четыре деньга мастер записан и в марте⁵¹. Нельзя исключать, что октябрьская запись могла быть сделана по ошибке.

Из вышеуказанных документов мы узнаем, что в православном крещении Петр имел патроним — Яковлев и прозвище — Петелин. Нет сомнений, что патроним и прозвище Петр получил от своего крестного отца. С высокой долей вероятности восприимчиком новокрещеного иранца был состоявший в помощниках у казначея Афанасия Самойловича Нарбекова дьяк Казенного приказа Яков Петелин [Веселовский, с. 409].

Впрочем, после крещения у Петра Петелина появились и другие родственники. Не имеет точной даты челобитная мастера 176 (1667/1668) г.: «Зговорил я, холоп твой, женица, а человекенко скудной». Иранец просил о пособии на свадьбу. В расчете на щедрость русских властей новокрещен не ошибся. Велено было «дать из Оружейной пять рублей да з дворцов четыре ведра вина простова, два двойнова, шесть ведер пива, три меду, стяг говядины, два гуся, две утки, осьмину муки пшенишные»⁵².

Среди вещей, созданных в Оружейной палате для поднесения царю Алексею Михайловичу и царевичам на Пасху 1668 г., изделий Петра Яковлева Петелина мы не находим, хотя саадаки работы русских строчников в росписи есть⁵³. Служба иранца в придворной оружейной мастерской была очень недолгой. Следует отметить, что за период с мая 1667 по март 1668 г.,

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764. Л. 37; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8724. Л. 19–20.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11375. Л. 1–2.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11236. Л. 8–9.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9282. Л. 19.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11318. Л. 6.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11517. Л. 4–5.

⁵¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11656. Л. 50.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11955. Л. 1–1 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 1–9.

когда источники фиксируют присутствие в штате Оружейной палаты кизылбашенина Петра Яковлева Петелина, не обнаруживается никаких сведений о создании им каких-либо предметов или выполнении каких-либо работ.

Весьма вероятно, что принятие Петра Петелина в придворную оружейную мастерскую было продиктовано не производственной необходимостью и высоким уровнем мастерства иранца, а покровительственным отношением русских властей к иноземцам, принимавшим православие. Возможно, поступление Петра Яковлева в палату было личным одолжением его крестному отцу дьяку Якову Петелину со стороны оружничего Б. М. Хитрово. С Казенного двора в Оружейную палату поступало огромное количество разнообразных материалов, необходимых для ее производственной деятельности. Кроме того, шелковые ткани и сукна, которыми осуществлялись регулярные и экстраординарные пожалования мастеров и служащих Оружейной палаты, также выдавались с Казенного двора. Своевременность и полнота этих выдач во многом зависели от дьяка Я. Петелина.

* * *

Служба иранских ремесленников хозового и шелкового дела не только принесла пользу придворной оружейной мастерской, но и оказала положительное влияние на развитие ряда ремесел в русской столице. При этом необходимо отметить, что в контексте основных направлений деятельности Оружейной палаты специальности персидских мастеров и обученных ими учеников, без сомнения, являлись нужными, но, тем не менее, скорее второстепенными. Примечательно, что русские гзовники и шелковники, обученные иранскими ремесленниками и принятые в 1662 г. в жалованные мастера Оружейной палаты, не позднее 1668 г. были выведены за штат в разряд кормовых⁵⁴. Ремесленная и наставническая деятельность мастеров гзового и шелкового дела лишь отчасти соответствовала планам руководства Оружейной палаты. Замыслы по привлечению иранских ремесленников в придворные мастерские были значительно обширнее.

В 1662 г. в Персию отправилось русское посольство под началом окольничего Ф. Я. Мстиславского. Из Оружейной палаты в Посольский приказ направили длинный список предметов оружия и доспеха, оружейных и ювелирных материалов и полуфабрикатов. Но, кроме этого, в наказе послу было сказано: «призвать на год или на два мастеров 2 человек, которые б умели пансыри делать и починивать, 2 человек, которые умели булатные и железные сабли заваривать доброю кизылбашскую и черкесскую заваркою, 1 человека, которой бы умел писать седла и древка. Чтоб и на Москве научить учеников. А говорить им, чтоб они на государскую милость были надежны и шли к Москве, не опасаясь никакие скудости, на Москве им будут кормы довольные. А как они на Москве учеников научат, и великий государь за то их мастерство пожаловал своим государевым жалованием, велит отпустить в свою землю без задержанья»⁵⁵. Поручение осталось невыполненным. Возможно, отъезду оружейников в Россию воспрепятствовали персидские власти.

Литература

- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.
- Курбатов А. В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. Кишинев, 2010. № 2. С. 169–218.
- Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // *Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля*. М., 1984. Вып. 4. С. 185–192.
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Т. 1.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11456. Л. 17–18, 25.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 77 (Сношения с Персией). Оп. 1. Д. 14. 1662 г. Л. 265–265 об.

- Николаева М. В. Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты 1630–1690-е годы. М., 2012.
- Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. II. С. 141–156.
- Орленко С. П. Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х гг. // Вестник Воронежского ГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 94–99.
- Словарь русских иконописцев XVI–XVII вв. / Под ред. И. А. Кочеткова. М., 2003.
- Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // ИЗ. М., 1948. Т. 27. С. 67–95.
- Яблонская Е. Я. Английское огнестрельное оружие XVII века в Московском кремле // Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., 2003. С. 149–170.
- Яблонская Е. А. Первостатейный мастер-иноземец Оружейной палаты Филипп Тимофеев Ульянов // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. М., 2014. Вып. 25. С. 92–112.
- Яблонская Е. Я., Орленко С. П. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. Вып. 28. (в печати)
- Yablonskaya E. Seventeenth-Century English Firearms in the Kremlin // Britannia and Muscovy. Yale, 2006. P. 134–143.